

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Девочка, наступившая на хлеб

Вы, конечно, слышали о девочке, которая наступила на хлеб, чтобы не запачкать башмачков, слышали и о том, как плохо ей потом пришлось. Об этом и написано, и напечатано.

Она была бедная, но гордая и спесивая девочка. В ней, как говорится, были дурные задатки. Крошкой она любила ловить мух и обрывать у них крылышки; ей нравилось, что мухи из летающих насекомых превращались в ползающих. Ловила она также майских и навозных жуков, насаживала их на булавки и подставляла им под ножки зелёный листик или клочок бумаги. Бедное насекомое ухватывалось ножками за бумагу, вертелось и изгибалось, стараясь освободиться от булавки, а Инге смеялась:

– Майский жук читает! Ишь, как переворачивает листок!

С летами она становилась скорее хуже, чем лучше; к несчастью своему она была прехорошенькая, и ей хоть и доставались щелчки, да всё не такие, какие следовали.

– Крепкий нужен щелчок для этой головы! – говаривала её родная мать. – Ребёнком ты часто топтала мой передник, боюсь, что выросши, ты растопчешь мне сердце!

Так оно и вышло.

Инге поступила в услужение к знатным господам, в помещичий дом. Господа обращались с нею, как с своею родною дочерью, и в новых нарядах Инге, казалось, ещё похорошела, зато и спесь её всё росла, да росла.

Целый год прожила она у хозяев, и вот, они сказали ей:

– Ты бы навестила своих стариков, Инге!

Инге отправилась, но только для того, чтобы показаться родным в полном своём параде. Она уже дошла до околицы родной деревни, да вдруг увидала, что около пруда стоят и болтают девушки и парни, а неподалеку на камне отдыхает её мать с охапкой хвороста, собранного в лесу. Инге – марш назад: ей

стало стыдно, что у неё, такой нарядной барышни, такая оборванная мать, которая вдобавок сама таскает из лесу хворост. Инге даже не пожалела, что не повидалась с родителями, ей только досадно было.

Прошло ещё полгода.

– Надо тебе навестить своих стариков, Инге! – опять сказала ей госпожа. – Вот тебе белый хлеб, снеси его им. То-то они обрадуются тебе!

Инге нарядилась в самое лучшее платье, надела новые башмаки, приподняла платьице и осторожно пошла по дороге, стараясь не запачкать башмачков, – ну, за это и упрекать её нечего. Но вот, тропинка свернула на болотистую почву; приходилось пройти по грязной луже. Не долго думая, Инге бросила в лужу свой хлеб, чтобы наступить на него и перейти лужу, не замочив ног. Но едва она ступила на хлеб одной ногой, а другую приподняла, собираясь шагнуть на сухое место, хлеб начал погружаться с нею всё глубже и глубже в землю, – только чёрные пузыри пошли по луже!

Вот какая история!

Куда же попала Инге? К болотнице в пивоварню. Болотница приходится тёткой лешим и лесным девам; эти-то всем известны: про них и в книгах написано, и песни сложены, и на картинах их изображали не раз, о болотнице же известно очень мало; только когда летом над лугами подымается туман, люди говорят: это «болотница пиво варит!» Так вот, к ней-то в пивоварню и провалилась Инге, а тут долго не выдержишь! Клоака – светлый, роскошный покой в сравнении с пивоварней болотницы! От каждого чана разит так, что человека тошнит, а таких чанов тут видимо-невидимо, и стоят они плотно-плотно один возле другого; если же между некоторыми и отыщется где щёлочка, то тут сейчас наткнёшься на съёжившихся в комок мокрых жаб и жирных лягушек. Да, вот куда попала Инге! Очутившись среди этого холодного, липкого, отвратительного живого месива, Инге задрожала и почувствовала, что её тело начинает коченеть. Хлеб крепко прильнул к её ногам и тянул её за собою, как янтарный шарик соломинку.

Болотница была дома; пивоварню посетили в этот день гости:

чёрт и его прабабушка, ядовитая старушка. Она никогда не бывает праздною, даже в гости берёт с собою какое-нибудь рукоделье: или шьёт из кожи башмаки, надев которые, человек делается непоседой, или вышивает сплетни, или, наконец, вяжет необдуманные слова, срывающиеся у людей с языка, – всё во вред и на пагубу людям! Да, чёртова прабабушка – мастерица шить, вышивать и вязать!

Она увидела Инге, поправила очки, посмотрела на неё ещё и сказала: «Да она с задатками! Я попрошу вас уступить её мне в память сегодняшнего посещения! Из неё выйдет отличный истукан для передней моего правнука!»

Болотница уступила ей Инге, и девочка попала в ад, – люди с задатками могут попасть туда и не прямым путём, а окольным!

Передняя занимала бесконечное пространство; поглядеть вперёд – голова закружится, оглянуться назад – тоже. Вся передняя была запружена изнемогающими грешниками, ожидавшими, что вот-вот двери милосердия отворятся. Долгонько приходилось им ждать! Большущие, жирные, переваливающиеся с боку на бок пауки оплели их ноги тысячетнею паутиной; она сжимала их, точно клещами, сковывала крепче медных цепей. Кроме того, души грешников терзались вечною мучительною тревогой. Скупой, например, терзался тем, что оставил ключ в замке своего денежного ящика, другие... да и конца не будет, если примемся перечислять терзания и муки всех грешников!

Инге пришлось испытать весь ужас положения истукана; ноги её были словно привинчены к хлебу.

«Вот и будь опрятной! Мне не хотелось запачкать башмаков, и вот, каково мне теперь!» говорила она самой себе. «Ишь, тарашатся на меня!» Действительно, все грешники глядели на неё; дурные страсти так и светились в их глазах, говоривших без слов; ужас брал при одном взгляде на них!

«Ну, на меня-то приятно и посмотреть!» думала Инге. «Я и сама хорошенькая и одета нарядно!» И она повела на себя глазами, – шея у неё не ворочалась. Ах, как она выпачкалась в пивоварне болотницы! Об этом она и не подумала! Платье её всё сплошь было покрыто слизью, уж вцепился ей в волосы и хлопал её по шее, а из каждой складки платья выглядывали жабы, лаявшие,

точно жирные охрипшие моськи. Страсть, как было неприятно! «Ну, да и другие-то здесь выглядят не лучше моего!» утешала себя Инге.

Хуже же всего было чувство страшного голода. Неужели ей нельзя нагнуться и отломить кусочек хлеба, на котором она стоит? Нет, спина не сгибалась, руки и ноги не двигались, она вся будто окаменела и могла только поводить глазами во все стороны, кругом, даже выворачивать их из орбит и глядеть назад. Фу, как это выходило гадко! И вдобавок ко всему этому явились мухи и начали ползать по её глазам взад и вперёд; она моргала глазами, но мухи не улетали, – крылья у них были общипаны, и они могли только ползать. Вот была мука! А тут ещё этот голод! Под конец Инге стало казаться, что внутренности её пожрали самих себя, и внутри у неё стало пусто, ужасно пусто!

– Ну, если это будет продолжаться долго, я не выдержу! – сказала Инге, но выдержать ей пришлось; перемены не наступало. Вдруг, на голову ей капнула горячая слеза, скатилась по лицу на грудь и потом на хлеб; за нею другая, третья, целый град слёз. Кто же мог плакать об Инге?

А разве у неё не оставалось на земле матери? Горькие слёзы матери, проливаемые ею из-за своего ребёнка, всегда доходят до него, но не освобождают его, а только жгут, увеличивая его муки. Ужасный, нестерпимый голод был, однако, хуже всего! Топтать хлеб ногами, и не быть в состоянии отломить от него хоть кусочек! Ей казалось, что всё внутри её пожрало само себя, и она стала тонкою, пустою тростинкой, втягивавшею в себя каждый звук. Она явственно слышала всё, что говорили о ней там наверху, а говорили-то одно дурное. Даже мать её, хоть и горько, искренно оплакивала её, всё-таки повторяла: «Спесь до добра не доводит! Спесь и сгубила тебя, Инге! Как ты огорчила меня!»

И мать Инге, и все там наверху уже знали о её грехе, знали, что она наступила на хлеб и провалилась сквозь землю. Один пастух видел всё это с холма и рассказал другим.

– Как ты огорчила свою мать, Инге! – повторяла мать. – Да я другого и не ждала!

«Лучше бы мне и не родиться на свет!» думала Инге. «Какой толк

из того, что мать теперь хнычет обо мне!»

Слышала она и слова своих господ, почтенных людей, обращавшихся с нею, как с дочерью: «Она большая грешница! Она не чтит даров Господних, попирает их ногами! Не скоро откроются для неё двери милосердия!»

«Воспитывали бы меня получше, построже!» думала Инге. «Выгоняли бы из меня пороки, если они во мне сидели!» Слышала она и песню, которую сложили о ней люди, песню «о спесивой девочке, наступившей на хлеб, чтобы не запачкать башмаков». Все распевали её.

«Как подумаю, чего мне ни пришлось выслушать и выстрадать за мою провинность!» думала Инге. «Пусть бы и другие поплатились за свои! А скольким бы пришлось! У, как я терзаюсь!»

И душа Инге становилась ещё грубее, жёстче её оболочки.

– В таком обществе, как здесь, лучше не станешь! Да я и не хочу! Ишь, таращатся на меня! – говорила она и вконец ожесточилась и озлобилась на всех людей. – Обрадовались, нашли теперь, о чём галдеть! У, как я терзаюсь!

Слышала она также, как историю её рассказывали детям, и малытки называли её «безбожницею». – Она такая гадкая! Пусть теперь помучается хорошенько! – говорили дети.

Только одно дурное слышала о себе Инге из детских уст.

Но вот раз, терзаясь от голода и злобы, слышит она опять своё имя и свою историю. Её рассказывали одной невинной, маленькой девочке, и малытка вдруг залилась слезами о спесивой, суетной Инге.

– И неужели она никогда не вернётся сюда, наверх? – спросила малытка.

– Никогда! – ответили ей.

– А если она попросит прощения, обещает никогда больше так не делать?

– Да она вовсе не хочет просить прощения!

– Ах, как бы мне хотелось, чтобы она попросила прощения! – сказала девочка и долго не могла утешиться. – Я бы отдала свой кукольный домик, только бы ей позволили вернуться на землю! Бедная, бедная Инге!

Слова эти дошли до сердца Инге, и ей стало как будто полегче:

в первый раз нашлась живая душа, которая сказала: «бедная, Инге!» и не прибавила ни слова о её грехе. Маленькая, невинная девочка плакала и просила за неё!.. Какое-то странное чувство охватило душу Инге; она бы, кажется, заплакала сама, да не могла, и это было новым мучением.

На земле годы летели стрелою, под землёю же всё оставалось по-прежнему. Инге слышала своё имя всё реже и реже, – на земле вспоминали о ней всё меньше и меньше. Но однажды долетел до неё вздох: «Инге! Инге! Как ты огорчила меня! Я всегда это предвидела!» Это умирала мать Инге.

Слышала она иногда своё имя и из уст старых хозяев. Хозяйка, впрочем, выражалась всегда смиренно: «Может быть, мы ещё свидимся с тобою, Инге! Никто не знает, куда попадёт!»

Но Инге-то знала, что её почтенной госпоже не попасть туда, куда попала она.

Медленно, мучительно медленно ползло время.

И вот, Инге опять услышала своё имя и увидела, как над нею блеснули две яркие звёздочки: это закрылась на земле пара кротких очей. Прошло уже много лет с тех пор, как маленькая девочка неутешно плакала о «бедной Инге»; малютка успела вырасти, состариться и была отозвана Господом Богом к Себе. В последнюю минуту, когда в душе вспыхивают ярким светом воспоминания целой жизни, вспомнились умирающей и её горькие слёзы об Инге, да так живо, что она невольно воскликнула: «Господи, может быть, и я, как Инге, сама того не ведая, попирала ногами Твои всеблагие дары, может быть, и моя душа была заражена спесью, и только Твоё милосердие не дало мне пасть ниже, но поддержало меня! Не оставь же меня в последний мой час!»

И телесные очи умирающей закрылись, а духовные отверзлись, и так как Инге была её последнею мыслью, то она и узрела своим духовным взором то, что было скрыто от земного – увидела, как низко пала Инге. При этом зрелище благочестивая душа залилась слезами и явилась к престолу Царя Небесного, плача и молясь о грешной душе так же искренно, как плакала ребёнком. Эти рыдания и мольбы отдались эхом в пустой оболочке, заключавшей в себе терзающуюся душу, и душа Инге была как бы подавлена

этой неожиданной любовью к ней на небе. Божий ангел плакал о ней! Чем она заслужила это? Измученная душа оглянулась на всю свою жизнь, на всё содеянное ею и залилась слезами, каких никогда не знавала Инге. Жалость к самой себе наполнила её: ей казалось, что двери милосердия останутся для неё закрытыми навеки вечные! И вот, едва она с сокрушением сознала это, в подземную пропасть проник луч света, сильнее солнечного, который растопляет снежного истукана, слепленного на дворе мальчуганами, и быстрее, чем тает на тёплых губках ребёнка снежинка, растаяла окаменелая оболочка Инге. Маленькая птичка молнией взвилась из глубины на волю. Но, очутившись среди белого света, она съёжилась от страха и стыда, – она всех боялась и стыдилась и поспешно спряталась в тёмную трещину в какой-то полуразрушившейся стене. Тут она и сидела, съёжившись, дрожа всем телом, не издавая ни звука, – у неё и не было голоса. Долго сидела она так, прежде чем осмелилась оглядеться и полюбоваться великолепием Божьего мира. Да, великолепен был Божий мир! Воздух был свеж и мягок, ярко сиял месяц, деревья и кусты благоухали; в уголке, где укрылась птичка, было так уютно, а платьице на ней было такое чистенькое, нарядное. Какая любовь, какая красота были разлиты в Божьем мире! И все мысли, что шевелились в груди птички, готовы были вылиться в песне, но птичка не могла петь, как ей ни хотелось этого; не могла она ни прокуковать, как кукушка, ни защёлкать, как соловей! Но Господь слышит даже немую хвалу червяка и услышал и эту безгласную хвалу, что мысленно неслась к небу, как псалом, звучавший в груди Давида, прежде нежели он нашёл для него слова и мелодию.

Немая хвала птички росла день ото дня и только ждала случая вылиться в добром деле.

Настал сочельник. Крестьянин поставил у забора шест и привязал к верхушке его необмолоченный сноп овса – пусть и птички весело справят праздник Рождества Спасителя!

В рождественское утро встало солнышко и осветило сноп; живо налетели на угощение щебетуньи-птички. Из расщелины в стене тоже раздалось: «пи! пи!» Мысль вылилась в звуке, слабый писк был настоящим гимном радости: мысль готовилась воплотиться в

добром деле, и птичка вылетела из своего убежища. На небе знали, что это была за птичка.

Зима стояла суровая, воды были скованы толстым льдом, для птиц и зверей лесных наступили трудные времена. Маленькая пташка летала над дорогой, отыскивая и находя в снежных бороздах, проведённых санями, зёрнышки, а возле стоянок для кормёжки лошадей – крошки хлеба; но сама она съедала всегда только одно зёрнышко, одну крошку, а затем сзывала кормиться других голодных воробышков. Летала она и в города, осматривалась кругом и, увидев накрошенные из окна милосердною рукой кусочки хлеба, тоже съедала лишь один, а всё остальное отдавала другим.

В течение зимы птичка собрала и раздала такое количество хлебных крошек, что все они вместе весили столько же, сколько хлеб, на который наступила Инге, чтобы не запачкать башмаков. И когда была найдена и отдана последняя крошка, серые крылья птички превратились в белые и широко распустились.

– Вон летит морская ласточка! – сказали дети, увидав белую птичку. Птичка то ныряла в волны, то взвивалась навстречу солнечным лучам, и вдруг исчезла в этом сиянии. Никто не видал, куда она делась. – Она улетела на солнышко! – сказали дети.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **2,00** из 5)

Загрузка...